

УДК 808

О.С. ХРАМУШИНА

(*hramushina.olga.angel@mail.ru*)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

**ИДИОСТИЛЬ КАК СИСТЕМА АВТОРСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ
(на примере средств создания эвфемистических замен в поэзии А.С. Пушкина)***

Рассматривается система способов образования эвфемизмов в поэзии А.С. Пушкина. Анализируются предпочтительные приемы создания смягчающих наименований в творчестве поэта с точки зрения номинативной избирательности его идиостиля.

Ключевые слова: *А.С. Пушкин, поэзия, эвфемизм, двусмысленность, неясность речи; фигура речи, идиостиль.*

Идиостили писателей значимы для становления литературного языка, который заимствует из них наиболее яркие и точные номинативные единицы, а также синтаксические конструкции [12, с. 27]; при этом наилучшие образцы литературной нормы находят отражение в идиостильях классиков [6, с. 235–236]. Различные проявления индивидуальности автора в тексте, выполняющем функцию эстетического воздействия, очень значительны [19, с. 212]. В.В. Виноградов писал в этой связи: «Основной категорией в сфере лингвистического изучения художественной литературы обычно признается категория индивидуального стиля (то есть своеобразной, исторически обусловленной, сложной, но представляющей структурное единство системы средств и форм словесного выражения в их развитии)» [5, с. 169]. Писатель выделяет предпочтительные для себя языковые средства, в частности определенную стилистически окрашенную лексику, в силу чего избирательность по праву считается важнейшим свойством идиостиля [9, с. 12]. Изложенные нами факты дают основание полагать, что изучение идиостиля является актуальной проблемой современной лингвистики.

Одним из ключевых для рассмотрения механизмов современного русского языка традиционно считается идиолект А.С. Пушкина. Именно эпоху Пушкина считают началом становления современного русского литературного языка (при широком толковании понятия «современный») [7, с. 349]. Как показало проведенное нами исследование, особое место в идиостиле писателя принадлежит смягчающим наименованиям – *эвфемизмам*, анализ которых в связи с современной тенденцией к огрублению речи имеет важное значение для отечественной лингвистики [8, с. 28]. Данное языковое явление рассматривается в работах таких ученых, как Л.П. Крысин [8], В.П. Москвин [11], Е.П. Сеничкина [18], и др.

Эвфемизм [греч. *εὐφημισμός* ‘благоречие’ < *εὖ* ‘хорошо, благородно’, *φημί* ‘говорю’] может быть определен как «выражение, используемое для завуалированного обозначения того, что в данной ситуации неуместно обозначать прямым наименованием» [10, с. 669]. О.С. Ахманова трактует эвфемизм как «троп, состоящий в непрямом, прикрытом, вежливом, смягчающем обозначении какого-либо предмета или явления» [1, с. 521]. Однако нам представляется более устойчивой точка зрения, согласно которой данные понятия следует разграничивать по функциональному критерию: эвфемизм далеко не во всех случаях, выполняя роль средства зашифровки, обладает тропической двуплановостью и образностью [11, с. 27]. Способы образования смягчающих наименований представлены довольно сложной системой выразительных средств [10, с. 671]. Попытки упорядочить средства образования эвфемистических наименований предпринимали такие ученые, как Ж.Ж. Варбот [3], С. Видлак [4], Л.П. Крысин [8] и др., однако чаще всего исследователи представляют их в виде списков, не имеющих объяснительной силы [11, с. 154–158]. Принято считать, что в русском языке эвфемистическая зашифровка может

* Работа выполнена под руководством Москвина В. П., доктора филологических наук, профессора кафедры русского языка и методики его преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета.

быть основана на: 1) нарочито двусмысленной речи (при использовании металеписа, незамкнутой метафоры, фонетической аллюзии, антифразиса, etc.); 2) нарочито неясной речи (с этой целью могут быть употреблены прономинализация, гиперонимизация, антономасия, эллипсис, etc.); 3) нарочито неточной речи (ее создание возможно с помощью перенесения с вида на вид, мейозиса, etc.); 4) речи ассоциативно нейтральной, т.к. она, как правило, лишена паразитарных (например, бытовых) ассоциаций [11, с. 158].

Являясь одним из лучших, эталонных образцов литературной нормы, идиолект А.С. Пушкина, по нашему мнению, может служить прекрасным иллюстративным материалом для изучения идиостиля как системы авторских предпочтений, в частности на примере средств создания эвфемистических замечаний. Рассмотрим основные приемы, которые поэт применяет для производства смягчающих наименований.

При эвфемизации А.С. Пушкин часто обращается к возможностям *нарочито двусмысленной речи*.

*Бог веселый винограда
Позволяет нам три чаши
Выпивать в пиру вечером* [15, с. 290].

В этих строчках мы наблюдаем *метонимию*, т.е. перенос, основанный на ассоциации по смежности, или перенос по фрейму. Эвфемизм *три чаши* заменяет прямое наименование *три чаши вина* (перенос по формуле ‘сосуд’ → ‘его содержимое’). Такой осуждаемый в обществе того времени предмет, как алкоголь, поэт зашифровывал следующим деликатным образом: *Ты Эпикура младший брат, Душа твоя в бокале* («К студентам») [14, с. 308].

Одна из эпиграмм Пушкина, по нашему мнению, представляет собой соединение сразу нескольких приемов *двусмысленной речи* в эвфемистической функции, что делает ее полностью построенной по принципу *языковой игры*. Полагаем, что принцип конвергенции позволяет создать характерную для данного краткого жанра завуалированность формы [13, с. 85].

*Лечись – иль быть тебе Панглосом,
Ты жертва вредной красоты –
И то-то, братец, будешь с носом,
Когда без носа будешь ты* [14, с. 181].

В первом стихе встречаем *текстовую литературную аллюзию* – ассоциативную отсылку на героя повести Вольтера «Кандид». Выражение *жертва вредной красоты* следует толковать скорее двояко, в зависимости от смысла, который предположительно вложен в данные слова. Обладателями *вредной красоты* могли быть как сам адресат эпиграммы, так и его возлюбленные. Таким образом, вероятно использование одной из следующих формул переноса: 1) ‘жертва вредной красоты < женщин легкого поведения >’ → ‘жертва вредной красоты’; 2) ‘жертва своей вредной красоты, толкнувшей на путь соблазнов’ → ‘жертва вредной красоты’. При этом *эпитет вредная* содержит в себе значение *причинно-следственных отношений*: и красота легкомысленных женщин, и чрезмерная мужская привлекательность приводят к сомнительным успехам у противоположного пола, за которые порой приходится платить немалую цену. На основании изложенного можно заключить, что в обоих возможных случаях имеет место *метонимический перенос*.

В последних двух стихах в эвфемистической функции выступает *хиастический каламбур* (т.е. сочетание хиазма и антанаклазы) [10, с.651]: первая часть (*будешь с носом*) представляет собой шуточный, иронический намек в рамках *фразеологического эвфемизма*, вторая часть (*без носа будешь*) яв-

ляется **этикетным эвфемизмом**, образованным при помощи **металепсиса** – метонимической фигуры, заключающейся в описании предмета через сопутствующие ему явления [10, с. 308] (проблемы, связанные с состоянием этой части лица, как известно, вызываются серьезной болезнью, одной из тех, которые являются следствием не вполне вдумчивого, легкомысленного отношения к любовным увлечениям). Выражение *с носом*, употребленное в переносном значении в фразеологизме (разг. *быть с носом* – потерпеть неудачу, быть одураченным [20, с. 173]), противопоставлено фразе *без носа* в прямом значении. Это **антанаклаза** – «повтор слова в разных значениях» [10, с. 96]. В рамках **хиазма**, т.е. обратного, «крестообразного» расположения элементов высказывания при наличии общего члена [1, с. 508], лексический компонент *будешь* остается грамматически неизменным, существительное *нос* выступает в двух разных падежах (творительном и родительном) в сочетании *предлогами-антонимами*. В противоположности предлогов *с / без* наблюдаем одну из фигур контраста – **антитезу**.

Интересна с точки зрения использования двусмысленности речи в эвфемистической функции эпиграмма «На Рыбушкина», где косвенная номинация также усиливается композиционно.

*Бывало, прежних лет герой,
Окончив славу брань с противной стороной,
Повесит меч войны средь отческия кущи:
А трагик наш Бурун, скончав чернильный бой,
Повесил уши [14, с. 316].*

Текст состоит из двух противопоставленных друг другу частей, разделенных противительным союзом *а* и построенных с помощью **лексико-синтаксического параллелизма** (*окончив – скончав, повесит – повесил*) в рамках **сложной**, развернутой **антитезы**. Языковая игра основывается на контрасте и противоположности *прежних лет героев* и *трагика нашего Буруна, славы брани и чернильного боя, меча и ушей*, приобретая шутливую окраску. Пушкин использует **батос** для усиления выразительного эффекта эпиграммы, прибегая к явному снижению описываемого предмета. Сатирико-иронический эффект базируется на противоположности речевых микротем: воспоминаний о героях прежних времен и намека о неудачах современника.

Использование церковнославянизмов в первой части (*славу, брань, отческия, кущи*) должно придать тексту возвышенность, торжественность, однако избранный автором **ямб** создает эффект простой, разговорной речи, легкого повествования, что уместно для сатирической эпиграммы; восходящий краткий метр задает мажорную тональность и ускоренный темп [12, с. 47, 129]; бурлескный контраст уже с первых строк выдает иронию. Это служит для читателя своеобразным предвосхищением будущей колкой остроты.

Развернутая антитеза, положенная в композиционную основу эпиграммы, усилена **метафорами** – переносами, в основе которых лежит сходство, аналогия. Выражение *чернильный бой* представляет собой комбинацию «военной» **метафоры** и **метонимического эпитета**. Мы полагаем, что образование метафоры было осуществлено по формуле ‘ответ на критику’ → ‘попытка бороться с критикой (похожая на бой)’ → ‘бой’. Эпитет *чернильный*, на наш взгляд, получен путем метонимической свёртки: ‘написанный чернилами на бумаге’ → ‘написанный чернилами’ → ‘чернильный’. Общая схема переноса имеет вид: ‘написанный чернилами на бумаге ответ на критику’ → ‘чернильный бой’.

Эвфемистическая фраза *повесил уши* завершает эпиграмму. Она вызывает возникновение у читателя вполне закономерной ассоциации с таким животным, как *осел*, традиционно трактуемым как символ глупости. Данное словосочетание уже носит черты явной насмешки, а не скрытой иронии. В выражении *повесил уши* наблюдаем **эллипсис эпитета в развернутой метафоре** по формуле ‘повесил ослиные уши’ → ‘повесил уши’. Автор поддерживает эффект финального обличения композиционными средствами. Насмешка усиливается путем неожиданного сокращения **колона** (ср.: ... *Повесит меч*

войны средь отческих кущи... – О.Х.). Два стиха связаны **лексико-синтаксическим параллелизмом** в целях сравнения, они противопоставляются друг другу по плану содержания и по форме; в результате **антитеза** прослеживается еще отчетливее.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в эпиграмме «На Рыбушкина» Пушкин подготавливает восприятие эвфемистической номинации активным обращением к возможностям композиционных средств.

Нарочитая неясность речи помогает писателю не только избежать употребления неуместного слова или фразы, но и создать яркие, выразительные образы. При указании на **смерть** как явление, которое пугает человека с самого начала цивилизации, Пушкин в романе «Евгений Онегин» обращается к **гиперонимизации**. Эвфемизм *нашёл безвременный конец* используется вместо прямого выражения *слишком рано умер* при описании Ленского. Смягчение основано на слове *конец*. Его целесообразно считать родовым понятием по отношению к понятию *конец жизни*, поскольку оно сочетается с широким кругом слов: кончиться может *фильм, повесть*, etc. При этом эвфемизм несет ярко выраженную эстетическую функцию.

*Его уж нет. Младой певец
Нашёл безвременный конец!* [17, с. 287]

Такой способ эвфемистической зашифровки, как **логическое перифразирование**, т.е. сочетание разновидности фигуры **abstractum pro concreto**, а именно *родового имени, употребленного вместо видового*, и **определения**, характеризующего яркое свойство объекта [11, с. 182–183], Пушкин использует, например, для смягченного наименования **болезней, приводящих к смерти**: *Ведь в нашей стороне индийская зараза* (ср. *холера*. – О.Х.)... [15, с. 240]. Слово *зараза* является родовым по отношению к названию отдельной быстро распространяющейся болезни. Ключевое слово *индийская* характеризует происхождение недуга.

Само явление эвфемии изначально было связано с **умолчанием** [2, с. 370–372]. Вспомним строчки из поэмы «Руслан и Людмила»: *Супруг Восторги чувствует заранее; И вот они настали...* [16, с. 11]. Здесь Пушкин пользуется данной фигурой, состоящей в обрыве высказывания, при котором читатель должен догадаться о подразумеваемом по ситуации или предтексту [10, с. 631], для описания **отношений между полами**.

В одном из стихотворений видим сочетание приемов **нарочито неясной и двусмысленной речи**:

*У Кларисы денег мало,
Ты богат – иди к венцу:
И богатство ей пристало,
И рога тебе к лицу* [14, с. 206].

Выражение *рога к лицу*, на наш взгляд, представляет собой комбинацию двух устойчивых сочетаний, выполняющую эвфемистическую функцию. К **фразеологической аппликации (к лицу)** Пушкин присоединяет **фразеологический эллипсис**, образованный по формуле ‘наставленные рога’ → ‘рога’.

Мы полагаем, что левый контекст также несет в себе эвфемистическую нагрузку. В первом двусмысленности содержится **антитеза**: *денег мало – богат*, что уже подчеркивает некоторую несовместимость предполагаемых влюбленных (разница в социальном статусе, материальном положении и др.). Во втором – **эвфемистический намек**: девушка, которой *богатство пристало*, вероятно, является ветреной особой, стремящейся выйти замуж по расчету, и слишком доверчивый, непредусмотрительный мужчина, которому *рога к лицу*, станет для нее отличной парой. Здесь содержится ирония как над адресатом,

так и над его избранницей. Оба двуступища составляют **антитефон** – текст, композиция которого построена на противопоставлениях [10, с. 102]: *бедность – богатство, хитрость – глупость*.

Нарочито неточная речь также кладется Пушкиным в основу эвфемистической зашифровки. В одном из стихотворений читаем: *Люби невественного брата, Страдальца чувственной любви!* [14, с. 56]. Здесь употреблен **мейозис**. Автор использует **номинацию через отрицание**, а именно применяет один из наиболее продуктивных способов реализации такой фигуры – образование производных с использованием префикса *не-* от слова, которое следует подвергнуть зашифровке (*деветвенный* → *недеветвенный*). При этом такое определение любви, как *чувственный*, также, на наш взгляд, позволяет автору говорить о себе в смягченной форме.

Метонимия, относящаяся к **ассоциативно нейтральной речи**, тоже встречается в поэзии Пушкина. Так, в поэме «Братья разбойники» церковнославянизм *ловитва* заменяет русское слово *разбой*:

*Потом на прежнюю ловитву
Пошел один...* [16, с. 125].

Приведенные выше примеры позволяют нам сделать вывод о том, что при образовании эвфемизмов совершенно разных тематических групп (сюда входят явления, на прямую номинацию которых по различным причинам наложено более или менее жесткое табу), часто носящих оттенок иронии, шуток, предпочтительными для Пушкина являются приемы создания нарочито двусмысленности и неясности речи. При этом в некоторых случаях поэт комбинирует несколько фигур между собой в рамках одного смягченного наименования. Усилению выразительного эффекта эвфемистических выражений в лирике поэта могут служить композиционные средства, а также тропы, находящиеся в ближайшем контекстном окружении.

Литература

1. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд. М: Сов. Энциклопедия. 1969.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика ; пер. с франц. Вступ. ст. Ю.С. Степанова. М: Прогресс. 1974.
3. Варбот Ж.Ж. Табу // Русский язык. Энциклопедия. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа. 1997. С. 552–553.
4. Видлак С. Проблема эвфемизма на фоне теории языкового поля // Этимология. 1965. М: Наука. 1967. С. 275 – 281.
5. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. М: Гослитиздат. 1959.
6. Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М: Учпедгиз. 1959.
7. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. 5-е изд., испр. и доп. Назрань: Пилигрим. 2010.
8. Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русистика. Берлин. 1994. № 1–2. С. 28-49. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/kgysin-94.htm#1> (дата обращения: 29.11.2016).
9. Леденева В. В. Идиостиль как система отношений // Вестник Тамб. гос. ун-та. 2001. № 5.
10. Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи: Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Изд. 3-е, испр. и доп. Ростов н/Д: Феникс. 2006.
11. Москвин В.П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. Изд. 4-е, стереотип. М: Изд-во научной и учебной литературы «УРСС». 2010.
12. Москвин В.П. Теоретические основы стилистики: монограф. М: ФЛИНТА; Наука. 2016.
13. Пищулин П.С. О лингвистических механизмах аллюзии в эпиграммах В.И. Гафта // Известия Волгогр. гос. пед. ун-та. 2014. №10 (95). С.85–90.
14. Пушкин А.С. Собрание сочинений. В 10-ти томах. Т. 1. Стихотворения 1813 – 1824. М: «Худож. лит.». 1974.
15. Пушкин А.С. Собрание сочинений. В 10-ти томах. Т.2. Стихотворения 1825–1836. Примеч. Т. Цявловской. М: «Худож. лит.». 1974.
16. Пушкин, А.С. Собрание сочинений. В 10-ти томах. Т.3. Поэмы. Сказки. Примеч. С.М. Бонди. М: «Худож. лит.». 1975..
17. Пушкин А.С. Сочинения. В 3-х т. Т. 2. Поэмы; Евгений Онегин; Драматические произведения. М: Худож. лит. 1986.
18. Сенчикина, Е.П. Эвфемизмы русского языка: Спецкурс: учеб. пособие. 2-е изд., стер. М: Наука-Флинта. 2012.
19. Солганик Г.Я. Стилистика текста: Учеб. пособие. 3-е изд. М: Флинта: Наука. 2001. 256 с.
20. Фразеологический словарь русского языка. Сост. А.Н. Тихонов (рук. авт. кол.), А.Г. Ломов, Л.А. Ломова. 3-е изд., стереотип. М: Рус.яз. Медиа. 2007.

HRAMUSHINA O.S.

Volgograd State Socio-Pedagogical University

***IDIOSTYLE AS A SYSTEM OF AUTHOR'S PREFERENCES
(the means of euphemistic substitutes creation in A.S. Pushkin's poetry)***

The system of ways of euphemisms derivation in A.S. Pushkin's poetry is studied. The article provides an analysis of the preferential methods of creation of extenuating appellatives in the works of poet in the terms of nominative selectivity of his idiostyle.

Key words: *A.S. Pushkin, poetry, euphemism, ambiguity, unclarity of speech, figure of style, idiostyle.*